

у ТЗШ
7-129

С. Т. ТАБЫШАЛИЕВ

КЫРГЫЗСТАН НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

APL

ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АН РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

К $\frac{T3/2Kc}{T129}$

С. Т. ТАБЫШАЛИЕВ
академик АН Республики Кыргызстан

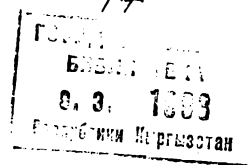
*Ответственный редактор
канд. ист. наук В. Мокрынин*

КЫРГЫЗСТАН НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

ИФИС

ББК 63.3 (2 Кн)

Т 12

Табышалиев С.

Т 12 Киргизия на Великом шелковом пути /О-во охраны памятников истории и культуры Респ. Кыргызстан, Ин-т истории АН Респ. Кыргызстан. – Б.: Кыргызстан, 1992. – 32 с.

ISBN 5-655-00885-8

В книге рассказывается об истории Великого шелкового пути на территории Кыргызстана.

Т 0503020911 – 15
М 451 (11) – 92

ББК 63.3 (2 Кн)

ISBN 5-655-00885-8

© Общество охраны памятников истории и культуры, 1992.

ВВЕДЕНИЕ

В историю культурной жизни планеты 1989-1992 гг. входят как время „диалога народов” в рамках „Всемирного десятилетия культуры”. Разрабатывается и осуществляется в жизнь программа „Великий шелковый путь – путь диалога народов” или „Комплексное изучение торговых шелковых путей: дорогами диалога”, одобренный Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 1987 г. В осуществление программы включаются тысячи специалистов, представляющих более чем 30 стран, по территории которых проходил „Шелковый путь”.

До недавнего времени Великий шелковый путь в советской литературе мало изучался. В обобщающих трудах, энциклопедических словарях о нем говорилось очень кратко и отрывочно. Эта тема даже в какой-то степени относилась к запретной проблематике. Помню несколько лет тому назад была попытка отдельных ученых, а также работников телевидения и радио республики совместно с представителями других стран изучить пути прохождения шелкового пути на территории Киргизии, но строго осуждалась официальными органами.

Теперь, в условиях перестройки, демократии и гласности тема шелкового пути приобретает не только научное, но и государственное значение. Этому свидетельствует тот факт, что в марте 1989 г. Совет Министров Киргизской ССР принял специальное постановление „О реализации программы ”Киргизия на Великом шелковом пути”. Это постановление открывает возможность для более широкого изучения „Великого шелкового пути” на территории нашей республики. В этих целях утверждён Координационный Совет и рабочая группа при правительстве республики, на которые возложена обязанность объединения деятельности государственных и общественных организаций по разработке и реализации программы „Киргизия на Великом шелковом пути”. В реализации этой программы будут участвовать научные учреждения,

Центральную Азию. Например, существовали „Западный меридиональный путь”, „Киргизский путь”, „Уйгурский путь” и т. п.

Хотя торговля по этому пути велась многими товарами (предметами роскоши, украшениями из драгоценных металлов и камней, дорогой утварью, тканями, редким дорогим сырьем) основным и наиболее ценным товаром, вывозившимся с конца первого тысячелетия до н. э. из Китая на Запад был шелк. До середины первого тысячелетия нашей эры шелк производился только в Китае. Благодаря своим-высоким потребительским и гигиеническим качеством шелк высоко ценился далеко за пределами Китая в странах Востока и Запада, в кочевом мире. Посредническая торговля приносила купцам по мере перепродажи шелка из одной страны в другую огромные прибыли. Например, парфяне взимали пошлину с перевозимого на территории шелка в размере 25 процентов его стоимости. В Римской империи цена шелка равнялась золоту.

Позже Китай потерял монополию на производство шелка. В первые века новой эры начали производство шелковых тканей в оазисах Восточного Туркестана, в Хами, Турфане, Карашаре, Хотане. Затем культура шелководства проникает в Согд (Среднеазиатская область бассейна Зеравшана), достигает Византии. Таким образом значимость шелка в торговле не уменьшалась. Видимо, именно поэтому, трансконтинентальная торговая трасса получила название „Великий шелковый путь”. И этот термин с середины прошлого столетия прочно вошел в мировую историографию, хотя отдельные участки торговой трассы в свое время назывались „Нефритовый путь”, „Лазуритовый путь”, „Стеклянный путь”, „Янтарный путь” и т. д. Словом „Великий шелковый путь” – это система путей, сыгравшая важную роль в жизни народов Евразии; это горячая артерия древности и средневековья. Это источник – товаров и информации, предмет раздоров и войн. Он часто определял политику, судьбу и жизнь целых государств и народов. Здесь же рождались, жили, гибли многие народы и культуры, возникали и гибли великие державы, расцветали и приходили в упадок торговые города и столицы былых империй. Здесь происходила значительная миграция населения и активная торговля. В результате частых переселений и многочисленных контактов происходил активный процесс обмена духовными и материальными ценностями. Вместе с тем „Великий шелковый путь” был и яблоком раздора. По нему происходит передвижение центрально-азиатских кочевников на Запад. Великие империи и малые государства, кочевники и земледельцы, политики и дипломаты, полководцы и разведчики, торговцы и миссионеры – все они пытались установить свой контроль над возможно большей частью пути, сооружали каравансарай,

строили крепости, держали военные гарнизоны. Этот путь был объектом завоевательных походов, ареной грабежа и насилия. „Великий шелковый путь” – это зеркало человеческого бытия, охватывающее полтора тысячелетия, период полный трагедии и прогресса, уничтожения человеческих ценностей и одновременно созидания. Это период борьбы за самовыживание и самовыражение народов. И в этой борьбе проявлялись предательство и героизм, жестокость и гуманизм.

Позже, в XVIII и особенно XIX вв. эти трассы становятся путями передвижения русских и западноевропейских путешественников, изучавших в то время природные богатства нашего региона и сопредельных с ним территорий. Но главное – они становятся путями всесторонних связей Азии и России. В наше время по многим из древних караванных путей проложены автомобильные и железные дороги и они стали путями дружбы и братства с другими народами нашей страны и зарубежных государств.

II. КИРГИЗИЯ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

В древности и средневековье территория нашей республики занимала видное положение. Оно определялось географическими, экономическими, политическими, социальными и культурными аспектами.

1. Географическое положение Киргизии позволило занять ей заметное место на Великом шелковом пути. Еще в глубокой древности в Азии сложились два крупных региона со своими торговыми путями и центрами производящими товары и традициями. Один из них – западный – формировался в системе древних государств Месопотамии; второй – восточный – в междуречье Хуанхэ и Янцзы. Долгое время оба региона развивались без видимых контактов. Стеной, разделившей две великие древние азиатские цивилизации, стали труднопроходимые горные системы Памира и Тянь-Шаня. В исторической науке принято считать, что преодоление Тянь-Шаня – Памирского барьера произошло во II в. до н. э. со времени путешествия Чжан-Цяня в Кушанское царство, что и положило начало формированию здесь „Великого шелкового пути”. Однако есть предположение, что этот путь начал функционировать еще в IV в. до н. э. В любом случае территория и народы древнего Тянь-Шаня находились у истоков и в центре формирования величайшего экономического и культурного феномена мировой истории.

„Великий шелковый путь” нельзя представлять как единый и неизменный мощный камень тракт, проходивший через строго определенные населенные пункты и торговые центры. Караван-

ные тропы неоднократно меняли промежуточные пункты, строго выдерживая лишь основные направления: Восток-Запад и обратно. В условиях высоких гор Тянь-Шаня и Памира гораздо строже, чем на равнине, диктовал свои условия природно-географический фактор. Поэтому пути передвижения по территории Киргизии практически оставались неизменными на протяжении многих сотен лет. Они ориентировались на наиболее проходимые ущелья.

С древних времен Киргизию пересекали три ветви Великого шелкового пути:

Первая – Южная ветвь от Мерва вела к Балху и Термезу, у Термеза – переправа на правый берег Амударьи. Далее вверх по реке и ее притоку Кызыл-Суу поднимались на Алай. По Алаю выходили в район современного Иркештама. Отсюда путь вел к Кашгару или Хотану. В разное время этим путем прошли македонский купец Маэс (Птолемей, II в. до н. э.), Сюан Цзан, возвращаясь из Индии (VII в.), Марко Поло (XII в.).

Ферганская и Северная ветви торговой трассы начинались в Самарканде. Она вела на север до рабата Замин. Здесь путь раздваивается.

Вторая – Ферганская ветвь от рабата Замин вела к Исфаре, Соху и Ошу. Утверждают, что именно Тахти-Сулайман Оша является каменной башней (Ташкурган) и главным ориентиром на Шелковом пути описанным Птолемеем. Ош был крупным торговоперевалочным пунктом. Отсюда караваны следовали по двум направлениям: через г. Мады, перевалы Чирчик и Талдык на Алай к Иркештаму; и через г. Узгенд вверх по р. Яссы в Центральный Тянь-Шань, г. Ат-Баш (Кошой коргон) и через перевалы Тон или Джууку – к Иссык-Кулю, на берегу которого находился второй крупный торгово-перевалочный пункт – Верхний Барсхан.

Ферганская ветвь является изначальной. Именно через Алай и Фергану во II в. до н. э. впервые прошел странник поневоле Чжан Цянь и открыл Ханьскому Китаю экзотические Западные земли.

Третья – Северная ветвь Великого шелкового пути от рабата Замин вела к Бинкету (Ташкенту), Исфиджабу (Чимкенту), Таразу (Джамбулу), Кулану (ст. Луговая), Мерки (с. Мерке), Нузкету (Карабалты), Невакету (с. Красная Речка), Суябу (с. Ак-Бешим). Отсюда через Боомское ущелье караваны попадали в Иссык-Кульскую котловину. Здесь путь проходил чаще всего по южному берегу через города Яр (у Рыбачьего), Тон (развалины Хан-Дюбе южнее с. Торт-Куль) и Верхний Барсхан. Из Верхнего Барсхана караваны шли по двум направлениям:

1. Через ущелье Джуук – Центральный Тянь-Шань – к перевалу Бедель и в Восточный Туркестан. Здесь в 629 г. прошел Сюань Цзан.

2. Через Санташ – В Монголию и Сибирь, который назывался

„Кыргызским путем”. По этому пути прошли частично Платон Карпини (1245 – 1247 гг.) и Гильом Рубрук (1252 – 1256).

2. Торгово-экономический аспект. Вопросы палеоэкономики изучены гораздо в меньшей степени, чем торговые пути. Движение караванов было медленным. Малый дневной переход равнялся 4 фарсахам (24-25 км), большой – до 8-10 фарсахов (50-60 км). Количественный состав караванов был разным. Известны гигантские караваны до 10 тысяч вьючных животных, а на Енисей к кыргызам, например, в VIII-X вв. ходили караваны всего из 24 – 25 верблюдов, и то не каждый год. На пути имелись караван-сарай, через бурные реки были наведены мосты. Нужно отметить, что сквозное движение караванов от Китая и до Средиземного моря было крайне редким. Такой путь совершали, в основном, посольские караваны, либо купцы в ранге дипломатов. Обычно товары передавались по эстафете от одного крупного торгового центра к другому. До сих пор нам неизвестна количественная сторона проблемы:

– сколько проходило караванов в год, какой объем переводимых товаров оседало в Киргизии и на какую сумму? Зато, благодаря археологическим изысканиям, мы хорошо знаем качество импортных товаров. Так, в могильнике Карабулак (Южная Киргизия) были найдены высококачественные ханьские шелка трех сортов; шелковый комплект одежды с вышивкой обнаружен в Кенкольском могильнике (Таласская долина); известны серии бронзовых зеркал китайской работы, на средневековых поселениях археологи находят изделия из фарфора, нефрита и другие китайские товары.

Встречный поток товаров с запада характеризуется шелками из Согда, найденными в могильниках Кочкорской долины и в Прииссыккулье, стеклянными изделиями Сирии и Рима (Алай, Кетментюбе), жемчугами и раковинами из Индии, коралловыми подвесками из Средиземного моря, самоцветами из Индии, Аравии, Ирана, серебряными и бронзовыми сосудами Хорасана и Мавераннахра и многими другими.

Как видим, на трассе Великого шелкового пути преобладали предметы роскоши, которые были доступны далеко не всем. Это сужало рамки экономического эффекта международной торговли, сводя ее к обслуживанию в основном лишь господствующей прослойки общества. К таковой в древней Киргизии можно было отнести кочевых феодалов и богатое городское сословие. Однако экономическую сторону значения Великого шелкового пути для Киргизии нельзя оценивать лишь уровнем товарообмена. Оно было гораздо весомее. Благодаря международной трассе в Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской долинах и кое-где в Центральном Тяньшане, начиная с VI в., наряду с кочевым скотоводством,

появляется новый хозяйственный тип – оседлое земледелие. Он характеризовался двумя взаимозависимыми процессами: образованием городов (урбанизацией) и оседанием кочевников (седентаризацией).

Процессу урбанизации в регионе дала толчок согдийская колонизация. Впервые о „землях согдиатов” в Северном При- тьяншанье упоминает в источниках византийский историк Менандр Протектор (VI в.) Именно – Талас. В 629-630 годах Сюань Цзан между Суябом и Таласом упоминает уже около десятка согдийских поселений. Последние сведения о согдийцах „в стране Аргу” (это территория между Боомским ущельем и современным Чимкентом) сообщает Махмуд Кашгари (XI в.).

Начиная по крайней мере с VII в, в процесс урбанизации активно включилось тюркское население, о чем свидетельствуют тюркские названия городов (Джунь, Кулан, Сарыг, Карлук, Джикиль, Барсхан, Яр и другие). К X в. процесс урбанизации достиг своего расцвета.

В литературе утверждается, что общее число средневековых городов и поселений на левобережье р. Чу в пределах Киргизстана достигает 80, которые были городами, сельскими населенными пунктами, крепостями и караван-сараями (Кожемяко П. П. Ранне-средневековые города и поселения в Чуйской долине, Фрунзе, 1959, С. 65). Только на территории киргизской части Чуйской долины обнаружено 20 средневековых городищ с длинными стенами, то есть по тем временам крупных городов. В Таласе их было четыре, на Иссык-Куле – не менее пяти. Нам еще не совсем ясна роль средневековых городов Киргизии в международной торговле. Известно только, что в городе Суябе в VII в. функционировали крупные ярмарки, куда „съезжались купцы из всех стран”. В Марсманде (район Исфаны в Южной Киргизии) в IX – X вв. на ярмарках продавали железо и изделия из него, особенно ценилось оружие. Ярмарка в Марсманде была многолюдна и широко известна. Оборот ее достигал 100 тысяч динаров. Обще-признанным центром работоторговли в IX – X вв. был город Исфиджаб (соврем. Чимкент); область Шельджи (верховья р. Талас) в IX – XI вв. была крупным поставщиком на международный рынок серебра и свинца. В предгорьях Ферганы на вывоз добывали ртуть и нашатырь.

Несомненно, что средневековые города Киргизии играли немаловажную роль в традиционном обмене между земледельцами и кочевниками-скотоводами, однако конкретными данными о масштабах и формах этого обмена мы пока не располагаем.

Интересен „Кыргызский путь”. (От Турфана до Минусинского). Кыргызы, завоевавшие после разгрома уйгуров степи Центральной Азии, вели упорную борьбу за подчинение Восточного Тур-

кестана и соответствующего участка Великого шелкового пути. Кыргызы добивались установления дипломатических и торговых отношений с империей Тан. Вели они активную торговлю с Тибетом, карлуками, мусульманскими государствами Средней Азии. В этот период в Саяно-Алтай были ввезены огромные количества танских монет и бронзовых зеркал, а также лаковую и фарфоровую посуду, плуги и др. Кыргызские женщины стали носить „платья из шерстяных и шелковых тканей, которые они получают из Ань-Си, Бейтин и Дахя. Каждые три года „из Даши” к кыргызам направлялся караван из двадцати верблюдов, груженых узорчатыми шелковыми тканями. Из Восточного Туркестана и Средней Азии к кыргызам везли серебрянную посуду, зеркала, бусы, раковины каури, дорогое парадное оружие. Кыргызы продавали приезжим торговцам меха соболей и других пушных зверей, мускус, бивни мамонта, березовую древесину. В Китай кыргызы пригоняли лошадей. По словам В. В. Бартольда кочевые племена, в том числе и кыргызы всегда представляли огромный интерес для купцов различных стран. В кочевой среде они находили обширный рынок для сбыта товаров, особенно тканей.

Необходимо отметить еще одну инновацию: степень экономического развития средневековых городов Семиречья (т. е. денежную эмиссию). В конце VII – начале VIII вв. здесь начался выпуск собственных денег. Как это нередко случалось на трассе Великого шелкового пути, первые деньги известные для Киргизии соединили в себе черты Востока и Запада. Форма монеты – медный кружок с широким ободком была заимствована из китайских образцов, на одной ее стороне писалась легенда согдийским алфавитом, на другой проставлялась тюркская тамга или рунические знаки. Скорее всего их отливали в ставке и от имени тюркешских каганов в Чуйской долине.

В X – XIII вв. города Киргизии, восприняв мусульманскую денежную систему (фельс-дирхем-динар), переориентировались на мусульманские образцы монет. Караханидские монеты чеканились на монетных дворах, которые располагались в столичном Куз-Орду (Баласагуне), Барсхане, Шельджи, Оше, Узгенде и др. городах Каганата. Деньги, выпущенные в средневековом Киргизстане, как свидетельствуют клады, обращались также на территории Мавераннахра и Хорасана, ровно как монеты Самарканда, Бухары, Бинкета, Касана – в Притяньшанье и Фергане. Достигали караханидские дирхемы пределов Волжской Булгарии, Киевской Руси и Прибалтики.

Урбанизация на трассах Великого шелкового пути развивалась параллельно с крупными сдвигами в социальной структуре общества, которые сопровождались оформлением таких социальных групп, как ремесленники и купцы. Мы еще очень мало знаем

о их роли в жизни средневекового общества. Известно, что согдийские купцы, кроме выполнения своих прямых функций, были дипломатами при тюркских каганах, правили городами и союзами городов, VII – IX вв. согдийская прослойка семиреченских городов пополняется тюрками. В „Диване” Махмуда Кашгари тюркские купцы названы терминами „базарган” и „биста”. В трехчленной социальной иерархии раннесредневекового города купцы занимали промежуточное положение между „знатью” и „работниками”. При более детальном феодальном расслоении общества в XI в. социальное положение купечества, если верить Юсуфу Баласагуни, понизилась. В „Кутадгу билик” они названы между земледельцами и скотоводами.

В том же произведении отмечены ремесленники: „Их много, считать будет долгая речь”, – пишет Юсуф Баласагуни, однако называет всего несколько профессий: сапожники, кузнецы, портные, мастера по изготовлению луков и стрел. По археологическим источникам можно добавить еще гончаров, стеклодувов, ювелиров, медников.

В эпитафии на кайраках отмечены такие группы ремесленников как ткачи, хлебопеки, мастера по производству комузов. Естественно, что в семиреченских средневековых городах было гораздо больше ремесленных профессий. Однако мастерство их в своем качественном развитии уступало мастерству ремесленников Мавераннахра. Мировой рынок знал только один товар ремесленного производства семиреченского происхождения – изделия из „Белой меди” в Иссык-Кульском Барсхане. „Да и то плохого качества”, – заметил Ал-Бируни.

Не следует забывать, что многие государства не раз пытались поставить под свой контроль как можно больший отрезок международной торговой трассы. Дипломатическим путем эта цель достигалась редко. Поэтому, наряду с фигурами ремесленника и купца, игравших основную роль на Великом шелковом пути, выдвигается фигура воина. Вся средневековая история – войны за овладение важными торговыми центрами вдоль трасс шелкового пути. Если кратко охарактеризовать политическую историю каганатов, то она выглядит так.

VI в. Древние тюрки подчиняют территорию от китайской стены до Ирана и Северного Кавказа включительно. Политический центр западных тюрков – Чуйская долина.

VII в. Беспрецедентный натиск Танского Китая на Западный край. В подчинении оказывается Восточный Туркестан и часть Западного.

VIII – IX вв. Натиск арабов на восток. Борьба тюркских народов с арабскими и китайскими агрессорами. Кульминацией этой борьбы стала Таласская битва 751 г. Территория Восточного Туркестана и Тянь-Шаня осталась во владениях тюрков.

УШ – X вв. Натиск на Фергану и Тянь-Шань сначала арабов, затем – Саманидов.

Сер. X – XI вв. Тюрки Восточного Туркестана и Тянь-Шаня уничтожают династию Саманидов. Западной границей Караханидов становится Амударья.

XII в. В Семиречье утвердилась каракиданьская династия Западная Ляо. Территория, под ее контролем от государства тангутов – до границ Ирана.

Нач. XIII в. Нашествие орд Чингиз-Хана.

XIV – XV вв. Походы Тимуридов на Тянь-Шань и Восточный Туркестан.

Таким образом, когда говорим, что Великий шелковый путь был путем диалога между народами, не следует забывать, что он велся не только при помощи торговых операций и бесед в караван-сараях, но и при помощи мечей на поле брани. Здесь не было идиллий, была жестокая политика, регулируемая интересами экономики.

4. На международной торговой трассе обменивались не только товарами, но и идеями. Рядом с купцом и воином часто брел монах или дервиш (буддийский, христианский, зороастрийский, мусульманский). Поэтому народы, по землям которых проходил Шелковый путь, в древности и средневековье опережали соседей в своем культурном развитии.

Так и тюркские народы, обитавшие в средние века вдоль торговой трассы одними из первых освоили письменность. В настоящее время на территории Киргизии известны памятники эпиграфики, выполненные древнетюркскими (руническими) согдийскими, уйгурскими, сирийскими, китайскими, тибетскими, индийскими, арабскими графемами. Значит ли это, что средневековое население Киргизии использовало все восемь систем письменности в повседневной жизни? Конечно нет. В большинстве случаев многообразие алфавитов и языков, связанных с ними, хорошо документируют национальную принадлежность купцов, проходивших по Великому шелковому пути. Значение их для тюркского населения Киргизии не было равнозначным. Одни из систем письменности совсем не имели значения в культурной жизни региона, другие (согдийский, древнетюркский, сирийский и арабский) – оставили неизгладимый след, так как применялись для передачи тюркской речи. Наиболее жизнеспособным из них оказался арабский алфавит, освоенный в X в. и использовавшийся киргизами вплоть до 20-х годов XX в.

Тянь-Шань стал родиной поэта, сочинившего первую поэму на тюркском языке. Сам автор великой поэмы „Кутадгу билик” Юсуф Баласагуни хорошо сознавал свою революционную роль в области тюркского языка. Это видно из следующих бейтов;

„Я к знаниям стремился с желанием упорным,
Низал слово к слову я слогом узорным.
Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным”.

На тюркском языке написал поэму „Подарок истин” и ферганец Ахмед Югнеки. В тоже время пишет свое сочинение „Диван лугат ат-тюрк” Махмуд Кашгари.

Только влиянием Великого шелкового пути можно объяснить тот феномен, что в Киргизии зачастую одновременно проповедовали миссионеры всех известных мировых религий. Здесь жили последователи учения Зороастра, Мани, Будды, Христа и Мухаммеда. Конкретные масштабы распространенности и степень влияния каждой из этих религий на тюркоязычное население определить сложно, но все они имели своих неофитов из тюркского населения. Известны некоторые из представителей тюрков, (Ярук-тегин, Иль-таш) которые были священниками и наставниками христианских и манинских общин Семиречья. Выделяются местные центры распространения мировых религий на территории Киргизии. Буддийскими храмами VII – IX вв. известны Ак-Бешим (Суяб), Краснореченское городище (Невакет), Новопокровское городище (предположительно Пакап). Крупными центрами христианских общин были в VII – XI вв., Тараз, Невакет и Суяб, а Тарсакент (Караджигач) и Баласагун – в XIII – XIV вв., зороастрийцы жили в Таразе, Невакете, Суябе (VI – IX вв.) и других городах Чу-Таласского междуречья. С X – XI вв. эти религии вытеснил ислам.)

Показательно, что большинство религиозных общин в Киргизии находились в городах по трассе Великого шелкового пути, преимущественно в восточной части Чуйской долины, где с древности функционировала ярмарка и был крупный торговый перевалочный пункт.

Таким образом, средневековый Кыргызстан, территорию которого пересекали три ветви Великого шелкового пути, был одним из культурных регионов издревле населенных тюркскими народами. Отнюдь не случайно, что во всем громадном тюркском мире того времени, занимавшего территорию от Байкала до Причерноморья и от тайги до Китайской стены именно на Тянь-Шане возникли первые тюркские города, появились первые тюркские денежные знаки (тюркешские и тухусские монеты), родился поэт, создавший первую тюркоязычную поэму „Кутадгу билиг”.

Многими своими успехами в экономике и культуре средневековый Кыргызстан был обязан Великому шелковому пути, который избавил его народы от пагубной изоляции.)

III. РЕЛИКВИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

Всех, кто знаком с традиционным искусством киргизских ювелиров, поражало обилие и разнообразие изделий из серебра. В не столь уже далеком прошлом в гарнитур украшений состоятельной киргизки входили: кольца (шакек), браслеты (билерик), серьги (сойко), подвески к косам (чач учтук), пуговицы (топчу) и другие. Серебром оковывали байские седла, украшали сбрую коня, камчу, кожаные и деревянные сосуды. А почему не золотом? Ведь мог же всемогущий манап Шабдан оковать луку своего седла золотом, а Курманжан-датха при желании сменить серебряные украшения на более дорогие изделия. Могли, но не оковывали и не меняли. И дело здесь, на наш взгляд, не столько в разнице стоимости основных драгматериалов, сколько в древней традиции.

На Востоке Киргизия издавна была известна всему миру как крупный поставщик серебра. Самые большие залежи его находятся в Таласской долине. Они разрабатывались еще в начале нашей эры. Наиболее интенсивные разработки таласских месторождений серебра были в средневековье (IX – XII вв.). В арабо-персидских источниках верховья реки Талас назывались областью Шельджи. Временами там, кроме местных рудокопов, трудилось до 10 тысяч горняков из области Исфаган (Иран). Археологи насчитали в горах, окружающих долину, свыше 70-ти горных выработок.

Серебряных дел мастера средневекового Тянь-Шаня добились высочайшего мастерства. Изделия их школы, наряду с иранскими и согдийскими, котировались на мировом рынке. Наиболее известные из них Аниковское и Григоровское блюда, украшенные изящными иллюстрациями взятыми из религиозных преданий, были найдены в далеком от семиреченских городов Приуралья.

Однако на удивление кладов изделий из серебра на территории Киргизии очень мало, а в Таласской долине и вовсе не обнаружено. Видимо, здесь не обошлось без серебряного кризиса, когда столовое серебро и украшения перечеканивались в звонкую монету.

Я расскажу о кладе, который более чем через тысячу лет разоблачил своего мастера, как фальсификатора.

Январским днем 1923 г. малолетние Мария и Владимир Банченко копали глину для ремонта сарая. Дети вместе с матерью Е. Банченко жили в селе Покровка, которое располагалось на почтовом тракте восточнее уездного городка Пишпек. Глину дети брали из большого холма, который возвышался на площади села и считался общественным достоянием: его разбирали на хозяйственные нужды все, кому не лень, даже не подозревая о том, что разрушают средневековое поселение. Вдруг лопата Марии удари-

лась о что-то твердое. Девочка разгребла землю и увидела красивый кувшин, стоящий на блюде. Рядом была изящная кружка. Так был найден пока единственный в Киргизии клад согдийского серебра.

Кувшин был грушевидный, с плоским дном. На шейке носик-слив, ручка петлеобразная, приклепанная к тулову одним и к шейке сосуда другим концом. Высота кувшина 28 см, вес 1559 г, емкость 4,9 л. На дне кувшина были отчеканены крестообразные знаки – клеймо мастера.

Блюдо круглое, плоское с едва возвышающимися краями. К нему прикреплено кольцо для удобства удержания блюда. Диаметр блюда 26,6 см. вес 703 г.

Кружка массивная с круглым дном. К нему припаяна ножка в виде раструба. Стенки кружки немного вогнуты. Ручка фигурная с круглым медальоном. В нем изображение профильной головы человека античного облика. Высота сосуда 8,5 см, наибольшая ширина 9,5 см, вес 460 г.

Ученых заинтересовал Покровский клад, так как он приоткрывал очень интересную ситуацию, связанную с ремеслом и торговлей на Великом шелковом пути. Дело в том, что на дне кувшина были воспроизведены клейма, которыми маркировали свои изделия византийские мастера серебряных дел из далекого Константинополя. Что же тут такого? Если учесть, что профильная голова мужчины на медальоне ручки кружки имела греческий облик, то можно с уверенностью говорить о византийском импорте в средневековые города Киргизии. Но специалистов предостерегала от столь ответственного вывода форма сосудов: она была типичная среднеазиатская. Такие сосуды были распространены здесь во второй половине VII – середине VIII вв. Все они были местного производства. Пришлось тщательнее сопоставить покровские и константинопольские клейма и тогда все стало ясно. Покровские оказались подделкой. Только через 1200 лет была раскрыта хитрость средневекового согдийского заргара (серебряных дел мастера), пытавшегося выдать свои изделия за византийский товар.

Где творили свои изделия эти заргары? Скрупулезное изучение их ленинградским ученым Б. И. Маршаком позволило лишь примерно очертить зону возможного производства таких сосудов – северо-восточные области Средней Азии. Их могли делать в городах Семиречья и Восточного Туркестана. Не исключено, что „хитрый” мастер жил в Чуйской долине и подделывал здесь свои изделия под византийские образцы. Несомненно лишь одно – он очень хорошо был знаком с константинопольскими подлинниками.

Отметим еще одну немаловажную для нашей темы деталь.

Клад из села Покровки едва не разошелся по рукам. Мать нашедших серебряные сосуды Володи и Марии Банченко подарила кружку пишпекскому учителю Д. Масленникову, а тот – своему сыну. Кувшин и блюдо пытались продать за четыреста рублей. Только энергичные действия археолога В. Д. Городецкого через Джетысуйский облисполком спасли клад для науки.

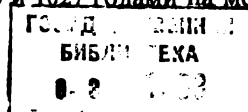
В Чуйской долине в 50-х годах был найден один клад серебряных изделий, когда для строительных нужд разобрали развалины одного из строений средневекового городища Шиш-Тюбе (севернее г. Кара-Балта). Клад моментально разошелся по рукам. Ученым досталось лишь четыре массивных браслета. Все они были выполнены в одной технике: три гладкие толстые проволоки свиты жгутом, в углублениях между ними проходят тонкие жгутики, свитые из двух тонких проволочек. Концы браслетов разомкнуты, оформлены в виде головок стилизованных животных. То есть, точно такие браслеты входили в Отрарский и в Буранинский (фрагмент) клады серебра. Расхищение Карабалтинского клада нанесло серьезный ущерб исторической науке Киргизстана.

Денежные клады не столь уж большая редкость. Наши предки всегда почитали землю не только как мать-кормилицу, но и как самый надежный сейф.

На территории Киргизии самые древние клады были спрятаны во времена Караханидов. В X – начале XI вв. тюркские владыки выпускали дирхемы из серебра высокой пробы. Такие монеты были найдены в кладе на городище Шиш-Тюбе. В 1960 г. студент истфака КГУ М. Оморов, серьезно увлекшийся археологией, в который уж раз обследовал развалины средневекового городища.

На старых городищах лучшее место для сбора подъемного материала там, где работает сельхозтехника. Пласты земли переворачиваются, то, что было скрыто – обнажается. Как правило, наиболее частыми находками на городищах бывает керамика. Поэтому студент несколько не удивился, когда на полоске взрыленной бульдозером земли увидел слегка поврежденный ножом машины верх сосуда. После расчистки стало ясно, что сосуд был необычной формы: бочонок, в верхней крышке которого сделана узкая щель. Кубышка! Что же в ней? А в ней оказалось тридцать высокопробных серебряных монет, обломки серебряных украшений и проволоки, около 1000 целых медных монетных кружков и несколько сот обломков.

Клад оказался очень редким, если не уникальным. Как установили ученые, он состоит из двух кладов и создавался, по меньшей мере, на протяжении двух поколений. Сначала в копилку поместили тридцать серебряных дирхемов. Они были выпущены между 1016 и 1027 годами на монетных дворах Восточного

Туркестана и Средней Азии. Особо порадовали специалистов два дирхема, выпущенные монетным двором Куз-Орду, который функционировал всего в 120 км к востоку от Шиш-Тепе в городе Баласагун (близ Токмака).

Вторая часть клада, состоявшая из медно-свинцовых дирхемов стала откладываться только через 30 лет после выпуска самого „молодого” серебряного дирхема (1027 г.).

Недолго караханиды чеканили дирхемы из высокопробного серебра. В XI – XIII вв. весь мусульманский Восток был охвачен серебряным кризисом. Особо остро нехватка серебра для выпуска денег ощущалась в Восточном Караханидском каганате, в составе которого была территория современного Киргизстана. Монетные дворы Семиречья и Ферганы в начале второй половины XI в. стали чеканить монету из сплава меди со свинцом. Несмотря на то, что в составе этих монет совсем не было серебра, в надписях они названы дирхемами, то есть предназначались для сферы серебряного обращения. Медно-свинцовые дирхемы по сути дела были государственными фальсификатами с принудительным курсом обращения. Население прекрасно знало их истинную цену, но принимало, так как нуждалось в средствах обращения.

Крупные клады медно-свинцовых дирхемов известны исключительно в Северной Киргизии. Только на городище Беловодская крепость (севернее села Беловодск Московского района) было найдено два клада. К сожалению, оба попали в руки ученых не в полном составе. Первый клад был найден еще в 1941 году у разветвления речки Аксу на островке. Монеты лежали в глиняном сосуде. Часть их тут же разошлась по рукам и только 3045 экземпляров попали в Исторический музей Киргизской ССР.

Точно такая же история приключилась и со вторым кладом. Его нашли весной 1970 года в селе Беловодском при рытье котлована под новый дом. В котловине был обнаружен глиняный хум с позеленевшими от времени медными монетами. Вест о находке клада взбудоражила соседей. Каждый приходил, дивился находке и, уходя, уносил горсть, а то и две ценных только для науки монет. Огромный клад таял с катастрофической быстротой. Хорошо, что о находке узнал местный краевед И. Трофимов. Он прекратил бессмысленное разграбление клада, собрал оставшиеся монеты и сдал их в Исторический музей. Трагическая судьба второго беловодского клада взволновала сотрудника музея археолога и нумизмата Б. Д. Кочнева. Он опубликовал в республиканской газете „Советская Киргизия”, статью, где квалифицированно рассказал о значении монет как источника по средневековой истории Киргизии и обратился к читателям с горячей просьбой вернуть разошедшиеся монеты. Часть читателей вняла просьбе ученого и в музей поступило еще несколько сот монет.

Всего из состава второго Беловодского клада в исторический музей попало 2245 экземпляров медно-свинцовых дирхемов.

К сожалению, память читателей газеты „Советская Киргизия” оказалась короткой. Весной 1976 г. в двух километрах к северо-западу от центральных развалин городища Шиш-Тюбе велась планировка развалин древних строений под запашку. Археологов, как повелось, не пригласили для предварительного изучения уничтожаемых памятников истории. Бульдозер врезался в один из холмов, который был когда-то домом горожанина. Вдруг из-под ножа его посыпались монеты. Механизаторы собрали их и расчистили место находки. Оказалось, что монеты лежали в двух хумах на глубине около полутора метров. Один из бульдозеристов собрал 3572 медно-свинцовых дирхема и сдал их в республиканский Исторический музей. Однако значительная часть монет опять была расхвачена „любителями” древностей. Для археологического надзора за планировкой местности был направлен археолог Д. Ф. Винник. Ему удалось собрать здесь еще 1287 монет.

Земля Киргизии скрывала в себе и не столь крупные собрания монет. Клад медно-свинцовых дирхемов середины XI в. был найден в 1974 г. при ремонте арычной системы в городе Фрунзе на пересечении улиц Алма-Атинской и Салиевой. Рабочие доставили 512 монет в Институт истории АН Кирг. ССР. Еще раньше около тысячи дирхемов обнаружили в селе Петровка Московского района, правда в Исторический музей попало всего около сотни монет.

В 1958 г. в Оше на территории сш. им. Калинина на глубине 1,5 м под корнями старой чинары выкопали 999 медных посеребренных дирхемов, которые находились в глиняном горшке. Здесь же лежало три витых серебряных браслета. Клад хранится в Ошском краеведческом музее.

Примеры можно умножить. Однако вышеупомянутого вполне достаточно для того, чтобы читатель понял: недра Киргизии сохранили для нас самое богатое в мире собрание медно-свинцовых дирхемов, которые являются важным источником по истории XI в.

Но чтобы эти монеты стали историческим источником, их надо изучить. А это ох как трудно. Во-первых, монеты пролежав в земле более 900 лет, попадают в руки ученых окисленными. Для того, чтобы прочитать, их нужно сперва очистить. Здесь спешить нельзя, так как легко можно повредить легенду (текст). Во-вторых, тщательно очищенная монета зачастую оказывается сильно потертой в результате длительного обращения. Читабельны и то не всегда только обрывки легенды. В-третьих, даже если монета очищена и текст оказался хорошей сохранности, то правильно

прочитать его не так уж просто. На караханидских дирхемах надписи выполнены арабской графикой, но без диакритических знаков. А это допускает разночтения, что ведет к ошибочным историческим выводам. Хлеб ученого нумизмата горек. Не одну тысячу монет придется ласково перетереть пальцами, пока они признают тебя своим, заговорят и дадут верные сведения.

В XII – XIII вв. в денежном хозяйстве Средней Азии возросла роль золота. Золотые динары выпускают караханидские правители Мавераннахра, хорезм-шахи, правители Хорасана. Этот очень серьезный экономический акт нашел свое отражение и в кладах Киргизии.

На территории республики было найдено всего два клада золотых монет, оба на городище Бурана. Первый был найден в 1965 г. В Киргизский государственный исторический музей из него поступило 13 целых золотых динаров и множество обломков. Среди них были монеты выпуска сельджукидов, гуридов, хорезм-шахов и караханидов.

Ранней весной 1966 г. учащиеся Чуйской школы-интерната № 2 Коломицкий Коля и Аккулаков Алеша прогуливались по древним развалинам, которые расположены недалеко от интерната. В стенке обрыва мальчики увидели глиняный кувшинчик. Откопали, вымыли – пригодится для школьного музея. Внутри кувшинчик был забит землей. Но ребята не стали ее извлекать, так как опасались, что хрупкий сосуд да еще с трещинами развалится на части. Землю вынули только в интернате и на дне кувшинчика под ней обнаружили 4 целых золотых динара и несколько рубленых кусочков от монет. Вес всего золота составил 85 г. По настоянию директора интерната Ф. В. Тимофеева, клад был сдан в Исторический музей республики. К. Коломицкий и А. Аккулаков получили соответствующее вознаграждение.

Начало XIII в. было катастрофичным для городов Киргизии. Их разрушали пришельцы неверные кара-китаи, войска правоверного мусульманина Хорезм-шаха Мухаммеда, притеснял и степной узурпатор Кучлук. Всех их в 1219 г. разогнала конница Чингис-хана. Однако городской культуре и экономике Северной Киргизии был нанесен сокрушительный удар, от которого она так и не оправилась вплоть до второй половины XIX в. Естественно в таких условиях навсегда прекратили свою деятельность все монетные дворы Киргизии. Только с XIV в., да и то нерегулярно функционировал монетный двор в городе Оше. Постепенно монгольские правители Средней Азии Джагатаиды (потомки сына Чингис-хана Джагатая) упорядочили денежное обращение. Хан Кепек в 1321 г. провел денежную реформу. Отныне в государстве имели хождение серебряные дирхемы, весом в 1,4 г., и серебряные динары, равные по весу шести дирхемам, то есть 8,4 г. Все

монеты чеканились по единому образцу с обязательным указанием имени правящего хана.

В Киргизии известно два крупных пореформенных клада джагатаидских монет. Первый из них был найден в 1928 г. жителями села Орловка (Таласская долина) при полевых работах в пяти километрах восточнее села в урочище Куян-Тугай. Монеты находились в керамической грубой работы кувшине с узким горлом. Ручка сосуда была отломана. Всего в кувшине было около шестисот серебряных монет. Клад был доставлен в город Фрунзе и передан в Научно-исследовательский институт Киргизской АССР. Лицу, нашедшему и доставившему клад, было выдано соответствующее вознаграждение. В то время в республике не было ученого-нумизмата, который мог бы определить монеты и дать им научную оценку. Поэтому исполняющий тогда обязанности директора Института С. М. Абрамзон обратился за помощью в Ташкент к уже известному специалисту М. Е. Массону. Последний смог вырваться во Фрунзе с оказией лишь летом 1930 года.

Что же рассказал таласский клад о денежном обращении и истории Киргизии XIV в.? В кладе было 66 динаров и 497 дирхемов. Большинство из них (438) были выбиты на монетных дворах Бухары, Отрара и Самарканда. На монетах упомянуто еще семь монетных дворов, но продукция их исчислялась единицами. Деньги, вошедшие в состав клада принадлежали трем государствам: Золотой Орде – 6 монет, независимым шахам Бадахшана – 2 монеты и державе среднеазиатских джагатаидов 555 монет. Большинство монет (55,6%) было выпущено при хане Гармаширине (1326 – 1334 гг.). На монетах упомянуты имена еще одиннадцати джагатаидских ханов, двух шейхов Бадахшана и трех золотоордынских (джучидских) правителей. Все это ярко свидетельствует, что экономическая и торговая жизнь Таласской долины была теснейшим образом связана с Мавераннахром (междуречья Амударья и Сырдарья). Самая „старая” из джучидских монет клада была выпущена при хане Кепеке в 1321 г., а самая „молодая” от имени хана Шах Тимура в 1358 г. Он был зарыт вскоре после этой последней даты и пролежал в земле почти шестьсот лет.

К какому слою населения принадлежал таласский житель XIV в., спрятавший кувшин с деньгами в землю близ современного села Орловки? Для этого нужно выяснить покупательную способность его сбережений. Если перевести дирхемы клада в динары (1:6) и добавить имевшиеся уже в его составе 66 динаров, то получим сумму примерно 149 динаров. Как раз в период, охваченный хронологией клада, по Золотой Орде и государству Джагатаидов путешествовал молодой, но уже известный богослов и землепроходец Ибн Беттута. Он занимался бытовыми

торговыми операциями и поэтому в его повествовании о Средней Азии есть редкие упоминания о ценах того времени. Так замученных длительным переходом упряжных лошадей караванщики продали по 4 динара за голову, хороший скакун в Хорезме стоил 85 динаров, комплект одежды – 10 динаров, соболья шуба, которую хан Тармаширин подарил Ибн Баттуте, оценивалась в 100 динаров.

Владелец доставшегося музею клада, исходя из данных путешественника на свои 149 динаров мог купить табун в 37 голов плохих лошадей, или 4 отличных скакуна, мог приобрести 15 комплектов одежды или полторы собольих шубы, носить которые не постеснялся даже потомок Чингис-хана.

Второй крупный клад пореформенного джагатаидского серебра был найден в окрестностях города Фрунзе. Он не подлежит описанию, так как был целиком похищен и вывезен за пределы республики.

Самыми „молодыми” средневековыми денежными кладами в Киргизии являются сокрытые на горе Тахти-Сулейман в городе Ош медные фельсы (фулусы), выпущенные в оборот потомками ~~Тимура~~ Тимура. Здесь их найдено уже три. В декабре 1924 г. на мусульманском кладбище, расположенном на южном склоне горы, копали могилу и нашли ведро с медными монетами. Часть их, как и положено, разошлась по рукам, другая – осталась в могиле, так как присутствовавшие при этом местное духовенство запретило продолжать поиск. Хорошо, что при этом присутствовал пытливым ошский школьник Г. Д. Аджигирей, который собрал у людей и зарисовал свыше полутора десятка монетных кружков. Эти зарисовки оставили свой след в науке. Их изучил М. Е. Массон и определил, что монеты клада относятся к XV в.

Второй клад монет был найден на той же горе в 1925 г. Он был зарыт в глиняном сосуде. Только 36 экземпляров из этого клада попало в руки профессора Н. Л. Корженевского, который 6 марта 1926 г. передал их в Главный среднеазиатский музей (г. Ташкент). Все они оказались медными фельсами тимуридов XV в. Подавляющее большинство их (25 штук) были выбиты в Бухаре, десять – в Кашгаре. Один кружок не поддавался определению из-за плохого состояния.

Больше всего повезло третьему кладу с горы Тахти-Сулейман. Он был найден летом 1954 г. одним из жителей г. Оша под камнем у самого подножия горы. В составе клада было около трехсот монет и все они (или почти все) поступили в Исторический музей республики. В феврале 1954 г. археолог П. Н. Кожемяко доставил для определения М. Е. Массону в Ташкент тридцать монет из этого клада. Они заинтересовали ученого, и тогда из Фрунзе ему направили для изучения 251 монету. Самая ранняя монета клада

была выбита в Ширазе (селение под Самаркандом. Не путать с иранским городом Шираз) в 1420 г., наиболее поздняя – принадлежит выпуску Герата в 1458 – 1459 гг. Клад, таким образом, был схоронен примерно в середине третьей четверти XV в., но видимо до того, когда в Фергане стал править Омар-Шейх, отец поэта и воина Бабура.

В составе клада было 125 монет выбитых в Бухаре, 46 – в Кашгаре, 42 дуглатского чекана Восточного Туркестана. На единичных экземплярах значились монетные дворы Орду, Шираз, Герата, Самарканда. На некоторых были надчеканы Андижана, Карши, Термеза, Шахрухи.

Клады с горы Тахти-Сулейман рассказали нам много больше о торговых связях средневекового Оша, чем все письменные источники вместе взятые. Столь широкие связи от Герата до Кашгара, зафиксированные не в золотой и серебряной монете, которая является ценностью сама по себе, а в расхожей медной, и предположить было трудно. Не случайно, на наш взгляд, в составе кладов преобладают монеты чекана Бухары и Кашгара. Ош XV века имел с этими городами какие-то еще не выясненные особые торговые взаимоотношения. Достоин внимания и то, что в кладах на горе Тахти-Сулейман не было ни единой монетки, выбитой в Оше. Это свидетельствует об исчезновении в XV в. последнего ошского монетного двора на территории современной Киргизии, который еще функционировал в XIV в.

Клады еще будут найдены. Возможно, их найдет наш читатель, его сосед, знакомый. Важно, чтобы клад без единого изъятия целиком и полностью попал в руки специалистов. Тогда он будет полноправным и максимально осведомленным свидетелем своего времени. От этого выиграет историческая наука нашей республики, ее интеллектуальный потенциал и это значит, что и мы с вами. Здесь я отметил только самые известные и хорошо изученные клады.

IX. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВЫВОЗ ИЗ КИРГИЗИИ

В основном средневековая Киргизия славилась продуктами сельскохозяйственного и горнорудного промысла. Были в При Тяньшанье и центры работорговли. Особенно славились своей красотой в Иране и Ираке таласские тюрчанки. А юноша-барсханец, взятый в плен толи на Иссык-Куле, толи в долине реки Талас был продан на рынке рабов в г. Нишапур (Иран). Однако он проявил столь выдающиеся воинские и политические способности, что сделал карьеру от гуляма (раба-воина) до эмира Газны (Афганистан). Здесь он основал отдельное государство и новую

династию – грозных Газневидов (конец X-середины XI вв.). Конечно, не всем рабам так везло.

Славились рудники серебра из Таласа, нашатырь и ртуть из Ферганы, огузские бараны, карлукские скакуны, арсланбобские орехи и многое другое.

В немногочисленных обобщающих трудах о торговле Средней Азии практически не упоминались товары ремесленного производства, которые вывозились из средневековой Киргизии. Как правило, анализу подвергались только товары, которые можно было закупить в кочевьях (скот, продукты скотоводства, меха, рабы) или товары горнорудного промысла. Такое положение находит объяснение в характере ремесленного производства городов и поселений Семиречья и отчасти Ферганы. Оно ориентировалось преимущественно не на международный рынок, где вне конкуренции считались товары Китая, Согда, Индии, Ирана, Византии и др., а на неограниченные потребности в товарах ремесленного производства окружающего кочевого мира и казахстанско-сибирских просторов. Поэтому ремесленный потенциал средневековых городов и поселений Киргизии за малым исключением не попадал в сферу торговых интересов купечества оседлоземледельческих народов, а следовательно, и в письменные источники. Целью данного раздела является сводка немногочисленных и разрозненных сведений о товарах ремесленного производства и домашнего промысла, которые поступали на международный рынок из средневековой Киргизии.

О р у ж и е . Вооружение и упряжь верховых коней, выработанные в древнетюркской кочевой среде, начиная с VI в. становятся образцами для подражания не только в полосе степей, но и в Согде, Иране, Византии, Китае. Наглядное представление о вооружении древних тюрков можно получить по его изображениям на каменных изваяниях, в монументальной живописи Согда и Восточного Туркестана, в торовитке и по данным археологических раскопок. Пути проникновения тюркского вооружения в иную этническую среду были многообразны. Важное место среди них принадлежало торговле и дипломатическим дарам, которые в средние века были слегка завуалированной формой торговли.

Самые ранние сведения о вывозе тюркского вооружения содержатся в минералогическом трактате ал-Бируни. В повествовании о дарах шаху Ирана Хосрову Ануширвану (правил с 531 по 579 г.) от различных монархов он писал: „Хакан прислал сто панцирей позолоченных и посеребренных, наподобие позолоченных”. Здесь речь идет, очевидно, о парадном очень дорогом вооружении. Его мог послать в дар Хосрову каган Истеми, с

которым шах породился еще в 554 г., исключая период с 565 по 571 г., когда шах и каган находились во враждебных отношениях.

Известно, что древнетюркские кочевые мастера делали прочные железные панцири. Археологически дорогое защитное вооружение в древнетюркских погребениях для VI в. не зафиксировано. В письменных источниках есть сведения об очень ценных доспехах у тюрков начала VIII в. Тем не менее, технологическая сложность позолоты и посеребрения (амальгамирование) позволяет усомниться, что парадное защитное вооружение могло производиться в кочевой среде. Должно быть, Истеми-каган располагал запасами парадных доспехов, сделанных городскими ремесленниками, скорее всего, согдийскими.

В VII – IX вв. в Китае делали особые доспехи из кожи, снятых с бедер диких лошадей. Эти кожи доставляли из степей токуз-огузы. Могли поставлять их и западные турки, которые тоже охотились на диких коней.

Высококачественное оружие производилось в рустаке Минк, которое продавали на ярмарках города Марсманда (находился близ современного г. Сулюкта). Его в X в. закупали в больших количествах и вывозили в Хорасан, Иран и даже Багдад, который славился своими оружейниками. Хорошие мечи в X в. поставляли на внешний рынок города Ферганы и Испиджаб (близ современного г. Чимкент).

Серебряные сосуды. Из общей массы так называемого художественного металла Востока изделия тюркитов восточной части Средней Азии были выделены благодаря трудам Б. И. Маршака и В. П. Даркевича. Они доказали, что в торгово-ремесленных центрах Ферганской, Таласской и Чуйской долин была развита художественная обработка серебра, основанная на собственной сырьевой базе. Эти области фактически не входили в состав халифата, что обусловило сравнительно долгое сохранение в искусстве доисламских мотивов. Серебряные сосуды, произведенные в восточной части Средней Азии, были найдены в Восточной Европе на Урале, в Зауралье и Туве.

В настоящее время известно тридцать восемь изделий тюркитов семиреченско-ферганского региона, найденных за его пределами и хранящиеся в различных музеях страны. Самая богатая коллекция находится в Эрмитаже. Подавляющее большинство художественных серебряных изделий датируется VIII в. и второй половиной VIII-первой половиной IX вв.

Среди изделий мастеров восточной части Средней Азии были различные типы серебряной утвари. В настоящее время известны шесть: кружки (14 экземпляров), ведра (7), блюда (6), чаши (5), кувшины (5), светильники (2). Значительная часть из них была найдена в европейской части СССР и на Урале (33). В Зауралье и

Туве их значительно меньше (5). Наиболее знаменательными изделиями торевитов Семиречья являются григоровское и аниповское блюда.

Григоровское блюдо. Найдено в 1897 г. при пахоте близ с. Григоровского Соликамского уезда Пермской губернии. С 1899 г. хранится в Эрмитаже.

Блюдо отлито в IX – X вв. из серебра, фон и отдельные части фигур позолочены и детализированы гравировкой. Диаметр 23 см, глубина 2,7 см, вес 977 г. В трех медальонах на блюде и в промежутках между ними представлены евангельские сцены, связанные с распятием и вознесением Иисуса Христа.

Аниковское блюдо. Обнаружено в составе клада, найденного близ деревни Больше-Аниковская Чердынского уезда Пермской губернии. Хранится в Эрмитаже.

Блюдо скопировано с оригинала VIII в. в IX – X вв. Диаметр 23,5-23,9 см. После отливки поверхность была отшлифована, рисунок проработан резцом и пунсоном. Фон и отдельные части фигур покрыты позолотой. Б. И. Маршак полагает, что на блюде представлены своеобразные иллюстрации к книге Иисуса Навина, связанные с легендой о падении Иерихана. Сюжеты были видоизменены в семиреченской среде. По мнению Г. А. Пугаченковой, композиция на блюде передает сцену осады тюрками согдийского замка (кешка).

Таким образом, средневековая Киргизия, наряду с такими областями как Иран, Табаристан, Армения, Хорасан, Мавераннахр, Тохаристан и Хорезм, входила в число основных поставщиков художественной утвари из серебра в Восточную Европу и Сибирь, откуда в обмен на нее вывозили пушнину и другие товары.

Важным представляется вопрос о путях проникновения на север семиреченского серебра. В. П. Даркевич связывает его с саманидской торговлей в Булгаре. По его мнению, семиреченский художественный металл в качестве военных трофеев или товаров попадал поэтапно сначала в Мавераннахр, а затем через Булгар в северные области Восточной Европы и Западную Сибирь. Такой путь транспортировки возможен, однако он не был единственным. При определении путей распространения торевтики восточносреднеазиатского производства, нельзя сбрасывать со счетов торговую активность семиреченских купцов, которые по большей части были согдийского происхождения.

Географическое положение семиреченских городов в контактной зоне с кочевой степью обусловило их основное торговое направление – с тюркскими скотоводческими племенами, северные границы расселения которых достигали таежной зоны. Из Семиречья в Прииртышье и южную Сибирь к кимакам вели

торговые пути, описанные средневековыми авторами. Один из них начинался в Таразе, другой – в Баласагуне. Вполне допустимо, что часть семиреченских серебряных сосудов попала в Западную Сибирь, а тем более в Туву, непосредственно из этих городов. Косвенным подтверждением этого предположения могут служить некоторые другие археологические находки (монеты, керамические сосуды и др.) выполненные в Семиречье и найденные в западной Сибири и Туве. Кроме того в Баласагуне и Таразе можно было купить меха горноста, белок и соболей, часть которых могли выменивать семиреченские купцы в притаежных областях на товары баласагунского и таразского производства.

Изделия из Харсини. Ал-Бируни со слов Абу Саида ал-Казвини писал: „... Харсини – это тот металл, из которого отливают колокола в Кашгаре и котлы в Барсхане, расположенном на берегу Иссы-Куля (Иссык-Куля), то есть горячего озера, а также и другие сосуды, очень грубые, но это зависит от мастеров и их искусства”. Это единственное сообщение в письменных источниках о товарах ремесленного производства городов Прииссыкулья, которые стали известны в Средней Азии и Иране в XI в.

Ткани. Единственным источником, который отмечает вывоз тонких и узорчатых шелков с территории средневековой Киргизии, является сочинение Наджиба Хамазани „Диковинки сотворенного”. Здесь отмечено, что такие ткани вывозили из Баласагуна и Тараза. Остается неясным, были ли эти города перевалочными пунктами в торговле шелками, или сбывали ткани собственного производства? Последнее не исключено. Отшельник Чан Чунь проехавший по долинам Таласа и Чу в начале XIII в., отметил, что местное население занимается шелководством.

Убедительным подтверждением производства тканей в городах Семиречья и Ферганы являются массовые находки различного размера и формы пряслиц, частей ткацких станков и грузил.

Клей. Наджиб Хамадани отметил, что из Баласагуна вывозят клей. К сожалению, он не конкретизировал технологию его производства. В мусульманском мире более известными поставщиками клея на рынки Мавераннахра и Хорасана были хорезмийцы. Предполагается, что они производили его путем вываривания рыбьих костей и хрящей. Учитывая местоположение Баласагуна, территориально связанного с кочевой степью, можно предположить, что здесь производился тот суперклей, при помощи которого кочевники издавна склеивали из различных пород дерева свои сверхпрочные луки. Основным ингредиентом в составе такого клея, как представляется, могли быть кости и жилы животных.

Войлок и ковры. Средневековые персидские и арабские источники не раз отмечали высокое качество войлока, изготов-

ленного тюрчанками. Однако очень мало сведений о том, что войлок или войлочные изделия становились предметами торговли.

В Хорезм, Китай и, возможно, в другие страны ввозились тюркские войлочные юрты. Они очень ценились. О юртах и их достоинствах слагали стихи. На внешних рынках были известны алые войлочные попоны, доставленные от тюрков. Не исключено, что именно с них и копировались тюркские узоры, которые стали модными на Дальнем Востоке в УИ-УШ вв.

Единственное известие о ворсовых коврах с территории Киргизии содержится в сообщении о совместном посольстве тюргешей и других среднеазиатских владений в Китай (746 г). Посольство преподнесло императору шерстяные ковры и коврики для танцев.

Лекарства. С известной натяжкой к товарам ремесленного производства или домашних промыслов, если учесть специфику приемов и навыков изготовления и добычи, можно отнести лекарственные препараты.

Древнетюркская народная медицина была насквозь пронизана как рациональными, так и иррациональными взглядами. Так, во второй половине X в. ученый – фармаколог тюркского происхождения по имени Субай-Хирма изготавливал чудесную мумию, которая исцеляла даже самые сложные переломы, в чем мог лично убедиться ал-Бируни. Истинная ценность мумии лишь сравнительно недавно привлекла самое пристальное внимание современных ученых. Но едва ли нас можно убедить, что кусок нефрита, на котором нарисована фигура с расходящимися лучами, будучи подвешенным на шею, предотвращал боли в желудках тюрков после обильной и тяжелой пищи, „вроде лапши, пресного хлеба, жареного мяса, грубого и твердого”.

У западных тюрков были и другие действенные лекарства собственного или иностранного приготовления. Тюргешам, например, было известно действие читрагандха – одного из индийских чудо-лекарств, приготовленное из различных благовоний, корней растений и „горячей крови”. Его давали в вине, как средство от ран и кровотечений. В 746 г тюргешские и другие среднеазиатские дипломаты доставили это лекарство в Чанань.

В различных областях Средней Азии и Ирана из дерева тун добывалась камедь, которую вывозили в качестве средства от сильных лихорадок, желудочных приступов и как быстродействующее рвотное.

Деревья, дающие камедь под названием асафетида, в изобилии росли на Тянь-Шане. Город Бешбалык платил подати этой душистой смолой. Она возбуждала нервную деятельность и способствовала пищеварению.

Очень известным снадобьем средневековья был так называемый безоар или „камень козла” твердое желудообразное вещество, которое образуется в желудке горных козлов. Оно славилось как самое сильное противоядие и поэтому всегда ценилось в среде феодальной знати всех стран. В XI в. было принято считать, что лучшими „каменьями козла” были те, которые вывозили из Ирана.

Стада горных козлов на Тянь-Шане и Алае, на которых издавна охотилось местное население, было неисчерпаемым источником безоара. В Худуд ал-Алам „безоардовый камень” упомянутый среди других товаров Ферганы. Иакут писал, что безоар можно было приобрести у чигилей, которые кочевали тогда в окрестностях Иссык-Куля.

В разделе о безоаре Э. Шефер отметил, что из Ферганы в Китай в 761 г. была доставлена конкреция, извлеченная „из дракона”. Она именовалась „змеиной желтизной” и как лекарственное средство произвела очень сильное впечатление. По-видимому, там речь шла не о безоаре, а о известном в Средней Азии и Иране „камне змей”. Согласно представлениям того времени, в голове змеи, если она проглотит четыреста себе подобных особей, образуется лечебный камень.

Сведения китайских источников о добыче „камня змей” на территории Киргизии подтверждаются персоязычным сочинением Наджиба Хамазани „Диковинки сотворенного”. При описании Семиречья и Кашгара он отметил, что отсюда вывозят „змеиный камень”. В средневековой медицине это вещество ценилось как сильное средство от укуса ядовитых змей. Порошок его принимали с вином или молоком. Видимо, мало проку от другого способа употребления этого противоядия, когда „камень змеи” подвешивали на шею.

Глет (окись свинца) получали как побочный продукт при переплавке руды, содержащей свинец и серебро. Именно из такой руды плавил серебро и свинец в верховьях реки Талас. В виде тяжелых и желтых кристаллов глет вывозили в разные страны, особенно в Китай, где долго не умели приготовить это вещество.

Как лекарство, глет назначался при ранах, нанесенных металлическим оружием и при других ранениях. Он же был одним из компонентов при изготовлении мазей от пятен на лице.

В горах, окружающих Фергану, произрастает множество лечебных трав. Свойства их были известны далеко за пределами региона. Автор сочинения „Худуд ад-Алам” писал, что в Фергане „собирают ягоду и травы, которые идут на приготовление лекарств”. В высушенном, растертом и смешанном виде эти лекарства отправлялись в различные страны.

Приведенные сведения о товарах ремесленного производства и домашнего промысла, предназначенные на вывоз из средневековой Киргизии, нельзя считать даже приближающейся к полной реальной номенклатуре изделий, которыми загружались караваны в торговых центрах Семиречья и Ферганы. Они являются только случайным набором разрозненных факторов, которые лишь в минимальной степени намечают экспортные возможности средневекового товарного производства Киргизии. Однако уже собранные сведения убедительно свидетельствуют, что средневековый Кыргызстан не был исключительно скотоводческим и горнорудным придатком Мавераннахра, а в отдельных случаях (торевтика) даже обрел свою ремесленную марку международного уровня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой брошюре, рассчитанной на самого широкого читателя, я обозначил лишь наиболее общие контуры известных нам фактов о месте Киргизстана на Великом шелковом пути. Более полное и всестороннее исследование темы – дело будущего. Включаясь в проект ЮНЕСКО „Комплексное изучение торговых „шелковых путей”: „дорогами диалога”, общественность и ученые Киргизии должны поставить и в меру своих сил решить следующие первоочередные задачи:

- Получить общее научное представление об истории Шелкового пути на территории Киргизии в трех хронологических пластах (древность, раннее и развитое средневековье);

- Научно обосновать исторические пути по Киргизии, с выделением перспективных отрезков их для международного туризма;

- Решить комплекс научных вопросов по археологическому изучению, реставрации и пропаганде памятников археологии, истории и архитектуры Киргизии во взаимосвязи с другими республиками Средней Азии и Казахстана.

- Определить пути миграций племен и народов эпохи великих переселений, культурных и дипломатических миссий, развитие торговли и экономики в городах, а также этногенетических процессов в среднеазиатском регионе в связи с историей Великого шелкового пути.

Подчеркиваю, что это лишь самые первоочередные, неотложные задачи, в решение которых должны быть задействованы многие организации и учреждения республики.

Институт истории АН Киргизской ССР уже начал практическую работу. В мае 1989 г успешно прошел первый научно-практический симпозиум „Великий шелковый путь”, труды симпозиума сданы в издательство и скоро увидят свет, в мае 1990 г наши специалисты участвовали в разведочной международной экспедиции „Великий шелковый путь”, организованной АН СССР и японской корпорацией „Асахи”, созданы и уже работают археологические отряды по теме: „Киргизия на Великом шелковом пути”.

Исследование истории имеет не только познавательное значение. Мы изучаем ее и для того чтобы из опыта истории сделать необходимые выводы, ибо славное прошлое, бурлящее настоящее и манящее будущее – это единая цепь человеческого бытия. Поэтому познание корней и источников становления сотрудничества наций и народностей, национальных групп и этносов имеет важное значение особенно в настоящее время, когда национальные проблемы выдвигаются на первый план. Мы приглашаем наших коллег в дальнейшем объединить усилия и координировать деятельность исследований и всех заинтересованных учреждений в разработке проблемы „Великого шелкового пути”.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ	5
II. КИРГИЗИЯ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ	7
III. РЕЛИКВИИ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ	15
IV. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВЫВОЗ ИЗ КИРГИЗИИ	23
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	30

Научно-популярное издание

Табышпалиев Салмарбек Табышпалиевич

КИРГИЗИЯ НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Редактор издательства Т. Акимов
Худож. редактор Ч. Абдраимов
Техн. редактор Л. Шевченко
Корректор А. Алиева

Н/К

Сдано в набор 12.0691. Подписано к печати 9.12.91. Формат бумаги
84x108 1/32. Гарнитура Пресс-Роман. Бумага типографская № 1. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 1,68. Уч-изд. л. 1,877. Тираж 3000 экз.
Заказ № 1836. Цена договорная. Заказное.

Ордена Дружбы народов издательство „Кыргызстан“
720737, ГСП, Бишкек, ул. Советская, 170.

Газетно-книжное полиграфическое предприятие „Эркин-Тоо“
720000, ГСП, г. Бишкек, бул. Дзержинского, 45.

